

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РАЗРУШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ОПЫТ УКРАИНСКОГО МАЙДАНА

Ваторопин А.С.

доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и социологии управления
Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (Россия),
620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, к. 508, nihon@olympus.ru

УДК 316.4 (477)
ББК 60.651.3 (4Укр)

Цель. Теоретическое обоснование возможности возникновения и функционирования социальных институтов разрушения государственности (деструктивных институтов) на примере украинского евромайдана.

Методы. Использование институционального метода для интерпретации и обобщения событий в Украине, получивших название «евромайдан». В качестве основных подходов для изучения возможности существования деструктивных институтов применялись структурный и целевой подходы.

Результаты. Обоснована теоретическая возможность существования деструктивных институтов. Проанализирован один из таких институтов – «цветные революции». Полученные теоретические результаты апробированы в ходе анализа конкретной социальной реальности – событий на площади Независимости (майдане) осенью 2013 – весной 2014 гг. Сделан вывод о том, в процессе «революционных» событий в Украине произошла трансформация «цветной революции» из позитивного института преобразования социальной реальности в деструктивный институт разрушения последней, что нашло выражение в уничтожении на заключительном этапе «революции» основных институтов украинской государственности. Доказано, что институт цветной революции имеет экспортный характер. Сделан прогноз о возможности применения этого института Соединенными Штатами Америки против Китая и России.

Научная новизна. Научная новизна заключается в обосновании возможности существования деструктивных институтов, в частности института разрушения государственности, и применении полученных теоретических результатов для анализа событий на украинском евромайдане.

Ключевые слова: социальные институты, деструктивные институты, «цветные революции», разрушение государственности, евромайдан (майдан-2).

MODERN SOCIAL INSTITUTIONS OF NATIONAL IDENTITY DESTRUCTION: THE EXPERIENCE OF THE UKRAINIAN MAIDAN

Vatoropin A.S.

Doctor of Sociology, Assistant Professor, Head of the Theory and Sociology of Management Department
of the Ural Institute of Management-Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration (Russia), r.508, 66, 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, nihon@olympus.ru

Purpose. Theoretical justification of the potential emerging and functioning of social institutions of the national identity destruction (destructive institutions) exemplified by the Ukrainian Euromaidan.

Methods. Application of institutional method for interpreting and summarizing of the events in Ukraine, called "Euromaidan." As the main approaches to study the potential existence of destructive institutions structural and targeted approaches were used.

Results. Theoretical possibility of the destructive institutions existence is justified. One of these institutions - the "color revolutions" is analyzed. The obtained theoretical results were approved through the analysis of a particular social reality - the events in the Independence Square (Maidan) in autumn 2013 - spring 2014. It is concluded that, in the course of "revolutionary" events in Ukraine the "color revolution" was transformed from a positive institution of social reality transformation into the destructive institution of demolition of the latter which resulted in elimination at the final stage of

the "revolution" of the main institutions of the Ukrainian identity. It is proved that the color revolution institution is of export nature. The forecast concerning the possible use of this institution by the United States against China and Russia is provided.

Scientific novelty. Scientific novelty lies in the justification of the possible existence of destructive institutions, in particular of the national identity destruction institution, and in the application of the obtained theoretical results analyze the events in the Ukrainian Euromaidan.

Key words: social institutions, destructive institutions, "color revolutions", national identity destruction, Euromaidan (Maidan-2).

Социальные институты играют важную роль в жизни любого общества. Более того, без них невозможно само существование общества как такового. Именно институты превращают некую хаотическую совокупность людей в организованную социальную структуру. В этом, собственно, и состоит главная функция социальных институтов. Отсюда и интерес к ним социологии, причем интерес этот возник, фактически, вместе с появлением самой этой науки.

Социологи уделяют социальным институтам огромное внимание. Теория этого феномена получила глубокое развитие, уже существует и неoinституционализм, и более поздние концепции. На первый взгляд, сложно добавить что-либо существенного в данной области социологического знания. Однако, на наш взгляд, современное общество развивается столь стремительно, изменения в нем столь значительны, что теория не может не реагировать на это, социологическая рефлексия по этому поводу неизбежна. Это в полной мере относится и к теории социальных институтов, она тоже требует определенной коррекции.

Как известно, любой социальный институт призван упорядочить человеческую деятельность в той или иной сфере жизни общества, регламентировать и рационализировать ее, придать ей осмысленную форму и т.д. Конечно, не всегда эта рационализация и регламентация преследовали исключительно благие цели (альтруистические, демократические и т.п.), однако современные авторы очень часто оценивают наличие или отсутствие социального прогресса, исходя именно из критерия качества существующих социальных институтов. Так или иначе, прямо утверждается или подразумевается, что сегодня главная цель институтов заключается в совершенствовании жизни социума.

Разумеется, социологи не могут и не должны быть социальными утопистами, слепо идеализировать социальную реальность. Последняя действительно далека от идеала, в ней существует множество серьезных проблем, порождаемых, в том числе, и несовершенством социальных институтов. С середины прошлого века социологи (один из первых – Р. Мертон) признают, что у социальных институтов существуют дисфункции. Г.Е. Зборовский определяет их следующим

образом: «Суть дисфункций состоит в нарушении стабильности и равновесия в обществе через появление сбоев и деструктивных ситуаций в работе социальных институтов» [1, с. 422]. Другими словами, социальные институты изначально имеют более или менее позитивные цели, но под влиянием тех или иных факторов (коррупцированные органы власти в центре и на местах, «злая» воля отдельных чиновников, политиков и т.п.) дают сбой, перестают отражать общественные потребности.

Еще более определенно эту идею озвучили и развили представители неoinституционального подхода (Д. Норт, О. Уильямсон и др.). Они подчеркивают, что институты функционируют не сами по себе, а постоянно воспроизводятся в деятельности людей. При этом «неoinституционализм принял на вооружение и более реалистическую модель самого принятия решений, предположив, что человек не является существом *гиперрациональным* и *сверхнравственным* и что его поведение, наоборот, характеризуется *ограниченной рациональностью* (так как ограничены сами возможности человеческого интеллекта) и *оппортунистическим поведением* (термин Уильямсона, означающий «преследование собственного интереса, доходящее до вероломства») [2]. То есть неoinституционалисты изначально предполагают *неизбежность* дисфункциональности институтов, но при этом опять же не отвергая положительного телеологизма при их возникновении.

Таким образом, социальные институты – это изначально позитивный, несмотря на возможные искажения, феномен, призванный решать проблемы человеческого общежития. Впрочем, некоторые социальные институты могут оцениваться обществом (большинством его представителей) и негативно. Так, например, в криминальном мире также существуют социальные институты (институты «воров в законе», «общака» и пр.). Очевидно, что они наносят вред «нормальному» обществу, обычным гражданам, и в этом смысле могли бы трактоваться, как деструктивные. Однако, по нашему мнению, их нельзя считать *абсолютно* таковыми: для криминальных социальных групп они играют позитивную роль, регулируют дея-

тельность их членов. Следовательно, они лишь *относительно* деструктивные.

И здесь мы подходим к вопросу, который логически вытекает из вышеизложенного: а возможно ли существование *абсолютно* деструктивных социальных институтов? Другими словами, институтов, лишенных позитивного начала, предназначенных исключительно для разрушения социальной реальности. *Целью данной статьи* является поиск ответа на этот вопрос.

Чтобы ответить на него, мы должны еще раз обратиться к сущности социальных институтов, к разнообразным интерпретациям этой сущности. Если обобщить различные взгляды на социальные институты, то можно предложить несколько классификаций последних. Мы приведем две из них.

Первая предполагает предварительное выделение двух подходов, позволяющих рассматривать социальные институты с точки зрения их основных целей и структуры. Речь идет о телеологическом (целевом) и структурном подходах. Телеологический подход акцентирует внимание исследователей на тех целях, которые ставятся перед социальными институтами, а структурный – на тех компонентах, которые образуют социальный институт. Первый класс определений в рамках данной классификации сочетает оба подхода и может быть обозначен, как *структурно-целевой*. Второй класс фактически игнорирует телеологический подход, делая акцент на структуре социального института; его мы обозначим, как *структурный*. К первому классу определений может быть отнесена следующая дефиниция: «Институт социальный – исторически сложившиеся формы организации и регулирования общественной жизни... обеспечивающие выполнение *жизненно важных для общества функций* (курсив наш – А.В.), включающие совокупность норм, ролей, предписаний, образцов поведения, специальных учреждений, систему контроля» [3, с. 105]. Очевидно, что здесь делается заметный акцент на *позитивных* общественных целях института. Второму классу соответствует такое определение: «Институт социальный – понятие... обозначающее устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему» [4, с. 116-117]. Сравнивая данные определения, мы обнаруживаем, что во втором тоже присутствуют цели создания социальных институтов, но в снятом виде и без обозначения направленности (положительной или отрицательной) этих целей. В дальнейшем мы еще вернемся к этому различию.

Следующая классификация связана с разным пониманием структурных элементов социальных ин-

ститутов. В одном случае институты сводятся к нормам, регулирующим человеческую деятельность (такой позиции придерживается, например, Н. Б. Костина [5, с. 158]), в другом трактовка более расширительная – к нормам добавляются лица и учреждения, призванные контролировать соблюдение норм и правил (Г. Е. Зборовский [1, с. 415]). На наш взгляд, расширительная трактовка более обоснована, так как социальный институт не может функционировать без контроля за соблюдением норм. Кстати, здесь следует добавить, что некоторые представители нового институционализма (например, Р. Джепперсон [6, с. 110]) говорят не о нормах и правилах, а об образцах поведения (социальных паттернах).

Теперь мы можем вернуться к вопросу, могут ли существовать абсолютно деструктивные (далее – просто деструктивные) институты. Ответ может быть следующим. С точки зрения «классического» *структурно-целевого* подхода такие институты невозможны, так их появление преследует цель *разрушения*, а не созидания социальной реальности. С другой стороны, если какое-либо явление содержит весь основной набор структурных элементов социального института, то у нас вроде бы нет оснований отрицать институциональную природу такого явления (*структурный* подход). Получается определенная логическая коллизия, когда представители разных подходов не могут прийти к единому мнению по поводу данного явления. Возможно, их могло бы в какой-то степени примирить обозначение деструктивного института, как «квазиинститута».

Что касается нашей позиции, то мы все же склоняемся к мнению, что деструктивные институты являются вполне полноценными институтами. Это связано не только с тем, что они не противоречат структурному подходу. Дело в том, что современное общество многие социологи определяют, как постмодернистское (в духе Ж. Дерриды, Ж. Бодрийера и др.), а подобное понимание предполагает *деконструкцию* социальной реальности. Очевидно, что в эту деконструкцию логически вписываются и деструктивные институты. Мы в целом не склонны полностью разделять постмодернистское видение мира (оно выглядит чересчур односторонним), однако, наличие постмодернистских *тенденций* в современном социуме отрицать сложно.

Итак, по нашему мнению, существование деструктивных институтов в принципе возможно. Вопрос в том, существуют ли такие институты на практике? Мы считаем, что сегодня можно ответить на него положительно. В качестве примера мы рассмотрим такой феномен, как «цветные революции».

В последние годы многие социологи и политики уделяют значительное внимание этому явлению. При этом заметны два направления исследования:

анализируется, являются ли «цветные революции» революциями [7, 8], а также изучаются технологии «цветных революций» [9]. Нас в большей степени интересует второе направление. В соответствии с ним можно привести такое определение «цветных революций»: «Цветные революции – это технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежного протестного движения» [9].

Если анализировать это определение, то, на наш взгляд, оно несколько упрощает суть рассматриваемого феномена. Первые «цветные революции», может быть, и можно было представлять только как совокупность определенных технологий, однако по мере накопления опыта проведения подобных «революций», совершенствования соответствующих технологий, профессионализации основных агентов (организаторов, политтехнологов и т.д.) «цветные революции» приобрели характер целостного, системного явления, имеющего все признаки социального института (нормы, правила, образцы поведения, руководящие центры – учреждения). «Цветные революции» вплоть до последнего времени вполне обоснованно могли рассматриваться как институты преобразования социальной реальности, конкретнее – институты по осуществлению государственных переворотов. При этом цели таких преобразований объявлялись позитивными: мирная замена авторитарного, коррумпированного режима на демократический – без чрезмерных потрясений и разрушения основ существующего государства.

Однако, события в Украине 2013-14 гг. (Майдан-2) позволяют взглянуть на сущность «цветных революций» иначе. Мы считаем, что эти события привели к трансформации данного феномена из категории *позитивных социальных институтов* в категорию *институтов деструктивных*. Попытаемся обосновать свою точку зрения.

Практически все предыдущие «цветные революции» главной своей целью, как уже говорилось, ставили смену существующего политического режима. Судя по всему, ту же цель преследовали и те, кто проектировал Майдан-2. Однако, режим В. Януковича попытался оказать сопротивление, и тогда началось уничтожение его силовой составляющей. Армия была нейтрализована, силы правопорядка («Беркут», милиция, внутренние войска) атакованы физически. Под влиянием внешних угроз со стороны Запада, прежде всего, США, президент В. Янукович фактически капитулировал, запретив силам правопорядка активно защищаться и разогнать Майдан (по сути, вооруженных

боевиков-националистов). Результат: после падения режима В. Януковича выяснилось, что фактически оказалась уничтоженной легитимная власть в Украине. Был распущен Конституционный суд, президент бежал, правительство низложено. Осталась лишь частично легитимная Верховная Рада. При этом силовой блок полностью парализован. Налицо были все признаки разрушения украинской государственности. Следствием этого явились потеря Крыма и гражданская война в Донбассе. Это фактология, то, что на поверхности. Но есть и внутренняя канва событий.

Исследователи отмечают, что решающую роль в организации Майдана и очередной «цветной революции» в Украине сыграли Соединенные Штаты Америки (при поддержке ЕС). В подтверждение приводятся следующие факты [10]:

- США заранее активно спонсировали украинскую оппозицию: фонд «Открытая Украина» А. Яценюка финансировался Государственным департаментом, партия «Удар» В. Кличко – американскими фондами NDI и IRI. Всего Америка выделила на «поддержку украинской демократии», по заявлению В. Нуланд, помощника госсекретаря США, 5 млрд долл. (с 1991 г.);
- группа украинских журналистов в сентябре 2013 г. получила гранты от посольств США и Нидерландов для финансирования созданного ими несколько ранее интернет-телеканала «Громадське.тв», наиболее активно освещавшего события на Евромайдане;
- США в лице В. Нуланд пригрозили Р. Ахметову и другим олигархам санкциями, если они будут продолжать финансировать режим В. Януковича;
- США в январе 2014 г. ввели санкции в отношении руководителей силового блока Украины;
- Служба безопасности Украины (СБУ) в конце января 2014 г. заявила, что радикалы, захватившие административные здания в Киеве, профинансированы американским посольством;
- на Мюнхенской конференции по безопасности в начале февраля 2014 г. госсекретарь США Д. Керри встретился с оппозиционными украинскими лидерами В. Кличко, А. Яценюком, П. Порошенко и обсудил с ними изменения в конституции Украины после их прихода к власти;
- на Майдане-2 выступали: послы США, Франции, Испании, Германии, Дании; представитель госдепартамента; американские сенаторы; министры иностранных дел Германии, Нидерландов, Литвы; верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности; европарламентарии; сенатор Чехии; бывшие руководители Грузии и Польши;
- сторонники Евромайдана активно использовали соцсети; не менее активно в сетевом обсужде-

нии ситуации в Украине принимали участие граждане США;

- в Черное море периодически заходили военные корабли США;

- хакеры из «Киберберкута» выяснили из переписки украинских НПО с американским посольством и фондами, что ответственным за организацию Майдана-2 был отдел прессы, образования и культуры посольства США; в Америке ситуацию курировал Национальный фонд поддержки демократии, а также USAID. Бывший глава СБУ А. Якименко называет одним из организаторов Майдана польского гражданина, работающего в представительстве ЕС на Украине, Томбинского.

К этим фактам можно добавить конкретные технологии, которые применялись на Евромайдане [11], и назвать имена известных политехнологов, сыгравших важную роль в победе «цветной революции» в Киеве (например, Марко Ивкович). Все это позволяет нам сделать следующий вывод: независимо от того, какие конкретные проблемы (экономические, политические, геополитические) вывели людей на Майдан, решающую роль в свержении режима В. Януковича действительно сыграли внешние силы, прежде всего, США. Другими словами, можно обоснованно утверждать, что здесь имел место «экспорт революции».

При этом главное отличие Евромайдана от других конкретных вариантов «цветных революций» в том, что в ходе реализации «революционных» мероприятий были *сознательно* разрушены государственные структуры, по существу, уничтожена украинская государственность. Опыт «цветных революций» обогатился новыми *деструктивными* целями: не простая смена режима, а ликвидация государственности, причем без применения внешнего военного вторжения. Последнее иногда *сопровождает* (не являясь их частью) «цветные революции», если они не достигают желаемого результата (примером могут служить Ливия и Сирия). На Украине же смена режима прошла относительно мирно, но результат тот же – развал государства.

На наш взгляд, можно утверждать, что сегодня появился новый инструмент разрушения государств – **деструктивный институт «цветной революции»**, который имеет *экспортный* характер, может внедряться в чужую социальную реальность и взрывать ее изнутри, уничтожая «нормальные» социальные институты (это напоминает действие вируса, уничтожающего здоровые клетки). Это именно институт, а не просто социальные технологии. Он обладает всеми признаками социального института: есть *нормы*, которые используются при его применении (например, американские «Акт о демократии и правах человека в Центральной Азии», законы о государственном финанси-

ровании различных фондов, таких как Национальный фонд демократии и т.п.), *социальные паттерны* в виде технологий разрушения государственности, *учреждения* и *подготовленные специалисты* по деструктивной деятельности и т.д. Наконец, этот институт призван, как это не парадоксально звучит, регулировать деструктивную человеческую деятельность, в данном случае по разрушению государственности. И может быть использован многократно (вряд ли применение института «цветных революций» ограничится Украиной, скорее всего, его попытаются использовать те же США против Китая или России).

В заключение отметим, что не только «цветные революции» можно рассматривать в качестве деструктивного института. Есть и другие феномены, претендующие на это название, например, информационные войны. Впрочем, подобные утверждения, безусловно, требуют серьезного теоретического и практического обоснования.

Литература:

1. Зборовский Г.Е. Общая социология. 3-е изд., исправленное и дополненное. Екатеринбург, 2003. 720 с.
2. История экономических учений [электронный ресурс]. URL: <http://kazbook.narod.ru/knigi/istor/istor17.htm> (дата обращения 06.10.2014).
3. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1998. 488 с.
4. Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990. 432 с.
5. Костина Н.Б. Религиозная общность: проблемы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал.гос. проф.-пед.ун-та, 2001. 228 с.
6. Четверикова И.В. Дискуссия об институтах: эволюция идей // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 106-114.
7. Ореховская Н.Е. Сущность и место «цветных революций» в ряду революций [электронный ресурс]. URL: http://hist-edu.ru/histbook_2_201215_orekhovskaya.pdf (дата обращения 06.10.2014).
8. Барсамов В.А. «Цветные революции»: теоретический и прикладной аспекты [электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/FileSocis08-2006barsamov_color.pdf (дата обращения 06.10.2014).
9. Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов [электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html (дата обращения 06.10.2014).
10. Поддержка Евромайдана американцами [электронный ресурс]. URL: <http://ruxpert.ru/%CF%EE>

%E4%E4%E5%F0%E6%EA%E0_%C5%E2%F0%EE%EC%E0%E9%E4%E0%ED%E0_%E0%EC%E5%F0%E8%EA%E0%ED%F6%E0%EC%E8 (дата обращения 06.10.2014).

11. Федорченко С. Евромайдан – триумф демократии или политтехнологий? [электронный ресурс]. URL: <http://politmos.ru/960-s-fedorchenko-evromaydan-triumf-demokratii-ili-polittehnologiy.html> (дата обращения 06.10.2014).

References:

1. Zborowski G.E. General sociology. 3rd ed., revised and supplemented. Ekaterinburg, 2003. 720 p.
2. History of economic thought [e-resource]. URL: <http://kazbook.narod.ru/knigi/istor/istor17.htm> (date of access 06.10.2014).
3. Sociological Encyclopedic Dictionary. Russian, English, German, French and Czech. Editor-Coordinator - RAS Academician G.V. Osipov. M.: Publishing Group INFRA M - NORMA, 1998. 488 p.
4. Modern western sociology: Dictionary. M.: Politizdat, 1990. 432 p.
5. Kostina N.B. Religious affinity: problems of sociological research. Ekaterinburg: Ural gos. prof.-ped. un-ty publish., 2001. 228 p.
6. Chetverikova I.V. The debate about institutions: evolution of ideas // Sociological Research. 2012. № 12. P. 106-114.
7. Orekhovskaya N.E. The nature and place of the "color revolutions" in the range of revolutions [e-resource]. URL: http://hist-edu.ru/histbook_2_201215_orekhovskaya.pdf (access date 06.10.2014).
8. Barsamov V.A. "Colour revolutions": theoretical and practical aspects [e-resource]. URL: http://www.isras.ru/files/FileSocis08-2006barsamov_color.pdf (access date 06.10.2014).
9. Manoilo A.V. Colour revolutions and techniques of political regimes dismantling [e-resource]. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html (access date 06.10.2014).
10. American support of the Euromaidan [e-resource]. URL: http://ruxpert.ru/%CF%EE%E4%E4%E5%F0%E6%EA%E0_%C5%E2%F0%EE%EC%E0%E9%E4%E0%ED%E0_%E0%EC%E5%F0%E8%EA%E0%ED%F6%E0%EC%E8 (date of access 06.10.2014).
11. Fedorchenko S. Euromaidan – a triumph of democracy or of political technologies? [e-resource]. URL: <http://politmos.ru/960-s-fedorchenko-evromaydan-triumf-demokratii-ili-polittehnologiy.html> (date of access 06.10.2014).